

DOI 10.25587/SVFU.2018.11.16944

УДК 398.22(=512.37)

Ц. Б. Селеева

Калмыцкий научный центр РАН

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМ ЭПОСА «ДЖАНГАР»

Аннотация. Проблемы эволюции поэтических форм и эпического историзма являются одними из актуальных в эпосоведении. Историко-генетические и историко-типологические исследования эпических памятников позволяют системно на диахронном и синхронном уровнях проследить историческую и эстетическую динамику национального эпоса. Учитывая тот факт, что эволюция фольклора определяется закономерностями историко-типологического характера, реализуемыми в рамках целостной традиции, имеющей полистадиальный и полигенетический характер, перед нами стоит задача рассмотрения развития эпоса «Джангар» и его форм. Одной из важных проблем является проблема установления закономерностей развития эпоса, изучение не только его художественной формы, но и тех закономерных изменений, которым она подверглась. Проблемы историзма эпических форм Джангариады в настоящем исследовании рассматриваются в эволюционном развитии от древних до поздних – героический миф, богатырская сказка, архаический эпос, классический эпос, эпический цикл, поздняя богатырская сказка, а также процессы трансформации и вторичной архаизации. В своей исторической и эстетической динамике эпос «Джангар» прошел эволюционный путь развития от древних форм «сказочного богатырского эпоса» до циклизированного эпоса. Вершиной эволюционного развития эпоса «Джангар» отмечается «концентрическая циклизация», связанная с проявлением этнического самосознания и историческими процессами племенной консолидации и раннегосударственных образований. Особое значение отводится центральноазиатской и локальным этническим традициям, в рамках которых формировался и бытовал эпос «Джангар». Автор приходит к выводу, что историзм и эволюция поэтических форм эпоса «Джангар» обусловлена поэтико-воззренческими особенностями его историзма и спецификой развития этнической культуры. Несмотря на изменчивость художественно-поэтических форм, эпос «Джангар», обладающий полистадиальной природой, наследует рудиментарно архаические черты на уровне сюжетов и мотивов и воссоздается на основе традиционных элементов по жанровым моделям и канонам, получив творческую переработку в новых исторических условиях. В перспективе по данной проблематике следует провести сравнительно-типологические исследования национальных версий «Джангара» с привлечением памятников центральноазиатской эпической традиции.

Ключевые слова: эпос, Джангар, историзм эпоса, эпическая формация, стадийность эпоса, эпический цикл, локальная традиция, центральноазиатская эпическая общность, трансформация, вторичная архаизация.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР Калмыцкого научного центра РАН «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910099-8).

СЕЛЕЕВА Цаган Бадмаевна – к. филол. н., н. с. отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: tsagana007@mail.ru

SELEEVA Tsagan Badmaevna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of Department of Mongolian philology, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia.

E-mail: tsagana007@mail.ru

Ts. B. Seleeva

The problems of the evolution of the poetic forms of the epic “Dzhangar”

Abstract. The problems of the evolution of poetic forms and epic historicism are some of the topical issues in the epic studies. Historical-genetic and historical-typological studies of epic monuments allow systematical, at the diachronic and synchronous levels, tracing of the historical and aesthetic dynamics of the national epic. Considering the fact that the evolution of folklore is determined by the regularities of the historical-typological nature, realized within the framework of an integral tradition, which is poly-stage and polygenetic in nature, we face the task of considering the development of the epic “Dzhangar” and its forms. One of the important problems is the problem of establishing patterns of development of the epic, studying not only its artistic form, but also those natural changes that it has undergone. The problems of historicism of the epic forms of Dzhangariada in this study are considered in the evolutionary development from ancient to late – the heroic myth, the heroic tale, the archaic epic, the classical epic, the epic cycle, the late heroic tale, and the processes of transformation and secondary archaization. In its historical and aesthetic dynamics of the epic “Dzhangar” the evolutionary way of development has passed from the ancient forms of the “fantastic hero epic” to the cyclized epic. The peak of the evolutionary development of the epic “Dzhangar” is marked by “concentric cyclization” associated with the manifestation of ethnic self-awareness and historical processes of tribal consolidation and early state formations. Of particular importance is the Central Asian and local ethnic traditions within which the epic “Dzhangar” was formed and lived. The author comes to the conclusion that the historicism and evolution of the poetic forms of the epic “Dzhangar” is due to the poetic and visionary peculiarities of its historicism and the specifics of the development of ethnic culture. Despite the variability of artistic and poetic forms, the epic “Dzhangar”, possessing a poly-stadial nature, inherits rudimentary archaic features on the level of subjects and motifs and is recreated on the basis of traditional elements in genre models and canons, having received creative processing in new historical conditions. In the long term, on this issue, comparative-typological studies of the national versions of the “Dzhangar”, should be conducted with the involvement of the monuments of the Central Asian epic tradition.

Keywords: epic, Dzhangar, epic historicism, epic formation, epic staging, epic cycle, local tradition, Central Asian epic community, transformation, secondary archaization.

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Folklore of Mongolian-speaking peoples: texts and studies” (State Registration No. AAAA-A17-117030910099-8).

Введение

Внутренняя эволюция фольклора определяется закономерностями историко-типологического характера, реализуемыми в рамках целостной традиции, имеющей полистадиальный и полигенетический характер. В рамках этой традиции осуществляется поколенческая трансмиссия фольклорных произведений, их воссоздание на основе традиционных элементов; формирование новых произведений по старым моделям; отложение преодолённых стадий развития в виде художественного языка, на основе которого создаются новые тексты [1, с. 147]. О. М. Фрейденберг, принимая во внимание положение А. Н. Веселовского о форме как неизменном элементе, переходящем из поколения в поколение, содержание которого меняется в соответствии с культурно-историческими запросами эпохи, объясняла своеобразие появления новых форм: «Новых форм нет, своеобразие – это сочетание новых содержаний с видоизменёнными формами. Поэтический словарь, стилистические приемы, символика, сюжетные схемы, образы и т. д.» [2, с. 15].

Проблемы эволюции поэтических форм напрямую взаимосвязаны с проблемой эпического историзма, которая была и остается в центре внимания многих исследователей [3-12]. Основоположник «исторической поэтики» А. Н. Веселовский отмечал, что вопрос об отношении эпоса к истории «есть самый существенный вопрос в истории эпоса» [13, с. 299]. Предпринятое В. М. Жирмунским сравнительно-историческое изучение тюрко-монгольской эпики дало представление о формировании эпосов в ходе этногенеза, в историческом процессе формирования народов и государств [14]. Историко-генетические и историко-типологические исследования

Е. М. Мелетинского богатырских поэм тюрко-монгольских народов Сибири выявили общие закономерности сложения и формирования национально-исторических систем героико-эпической архаики и эпических памятников поздней формации [8].

Историческая близость тюркских и монгольских народов, а также родство и сходство их фольклорно-эпических традиций породили гипотезу о центральноазиатской эпической общности. «Эта общность складывалась в процессе непрекращающихся ареальных межплеменных контактов, что сопровождалось актуализацией более древних связей, обусловленных генетической общностью, языковым и этническим родством» [15, с. 236]. Формирование, сложение, бытование и развитие эпоса «Джангар» наряду с центральноазиатской общностью осуществлялось в рамках сложившихся локальных этнических традиций – калмыцкой, синьцзян-ойратской и монгольской.

Поэтические формы архаического и классического эпоса

Одной из важных проблем является проблема установления закономерностей развития эпоса, изучение не только его художественной формы, но и тех закономерных изменений, которым она подверглась. Обоснованную эволюционную концепцию зарождения и развития эпических сказаний от богатырской сказки выдвигает В. М. Жирмунский. Богатырской сказкой исследователь именуется определенный тип героического эпоса архаической формации у тюрко-монгольских народов, построенный на коллизиях «богатырской биографии» [14, с. 222-348]. В стадильном отношении «богатырскую сказку» В. Я. Пропп определяет как «догосударственный эпос» [16, с. 29-58]. К героическому мифу возводит концепцию происхождения эпоса Е. М. Мелетинский [17]. Через мифологический образ первопродка и культурного героя прослеживается процесс трансформации архаического эпоса в героический.

Архаические сюжеты из тюрко-монгольского мифологического эпоса, относящегося к эпохе ранних кочевников (V-III вв. до н. э.), А. Ш. Кичиков считает источником формирования эпоса «Джангар» [18, с. 8]. В «Джангаре» им обнаружены сюжеты и мотивы, свидетельствующие о генетических связях с неким древним эпическим повествованием в форме целостной богатырской биографии, именуемым автором *тууль-улигером*.

Герой архаического эпоса являет собой образ представителя семьи и рода, подвиги которого связаны с добыванием невесты, родовыми и семейными распрями, кровной мстью. К разряду архаических в эпической формации относятся сюжеты о героическом сватовстве и борьбе героя с хтоническим существом. При доминировании в «Джангаре» типа сюжета о борьбе с внешними врагами наличествуют сюжеты «поиска суженой», которые являются рудиментами и результатом трансформации древних инициационных обрядов. «В эпосе военная экспансия, как и героическое сватовство, осуществляется не коллективно, а в результате героического деяния богатыря, обладающего исключительной силой и выдающимися качествами» [8, с. 271]. Герой должен привезти предназначенную ему «суженую», завоевание и женитьба на которой составляет основной пафос героического сватовства как инициационного подвига богатыря.

Типологический архаический сюжет о героическом сватовстве включает следующие устойчивые поэтические элементы: получение героем вести о суженой; отправление героя в путь; преодоление героем долгого пути; прибытие героя в страну иноземного хана, отца суженой; участие героя в трех видах состязаний за невесту и победа; свадебный пир в стране тестя; получение приданого и возвращение в родную державу; свадебный пир в родных кочевьях. На данной типовой структуре построены джангаровы сюжеты о героическом сватовстве.

С. Ю. Неклюдов дифференцирует богатырскую сказку, предшествующую классическому героическому эпосу, и позднейшую сказку об эпических богатырях, которую можно рассматривать как одну из завершающих ступеней эволюции эпоса. «Контурсы богатырской сказки проступают при анализе памятников, типологически гораздо более поздних, чем повествовательные произведения архаического фольклора, ее можно считать не только древнейшей, но и основной повествовательной формацией центральноазиатской эпической общности» [11, с. 17]. «Позднейшая богатырская сказка» представляет трансформацию формы эпических сказаний, утративших прежнюю поэтическую форму, эпический стиль изложения, претерпевших изменения на содержательном и сюжетно-мотивном уровнях. Жанровые границы для такого рода текстов являются скорее условными, поскольку сказки могут возникать как вторичная после

эпоса форма, с признаками сказочного переосмысления. Такая архаичность эпоса может быть обусловлена процессом «вторичной архаизации», пронизывающей сюжеты и мотивы синьцзян-ойратской версии «Джангара».

Наряду с архаической формацией, жанр эпоса различает и классическую, характеризующуюся одним из ключевых признаков – героизмом эпических деяний богатыря-воина. «Героический характер» возникает тогда, когда формируется новое – по сравнению с более глубокой родоплеменной архаикой – отношение к возможностям (в т. ч. – к физическим возможностям) отдельной человеческой личности [20, с. 5-10] и, соответственно, появляется новая система этических и эстетических ценностей. Классический героический эпос, в отличие от архаического, оперирует историческими, национальными и государственными масштабами. Богатырь калмыцкого героического эпоса «Джангар» воплощает собой народный идеал героизма, выступает как защитник своего народа, его свободы и независимости в героической междоусобной борьбе против его исторических врагов, воин-богатырь, наделенный сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, неукротимой энергией и свободолобием, в монументально-идеализированной форме олицетворяющий норму поведения человека героического, воинского века и генетически восходящий к героям архаических мифов. Энергия и личная воля эпического богатыря взаимосвязаны с интересами коллектива, и в этом синтезе осуществляется эпическая идеализация богатыря. Совершаемые богатырем деяния соответствуют эпическим целям, имеющим коллективистский характер.

В «Джангаре» героической формации довольно часто мотив ультиматума является сюжетообразующим, порождающим конфликтную ситуацию, – требования одного государства к другому, сопровождаемые угрозой разрыва мирных отношений или применения вооруженной силы в случае их невыполнения. Как правило, в конфликте одна или обе из сторон с целью устрашения пытаются продемонстрировать свое превосходство, конечной целью чего является капитуляция противника.

Сюжетообразующий потенциал темы «ультимативного послания» и мотива ультиматума весьма востребован калмыцкими и синьцзян-ойратскими сказителями. В обеих национальных традициях особую популярность имеет сюжет «О победе Алого Хонгора над Мангна-ханом» [21, с. 67-77; 19, с. 333-336]. Предъявление Джангару ультиматума стороной Мангна-хана является мотивировкой к развитию конфликта между двумя державами. Внезапное появление посла Нарин Улана и произнесение им ультиматума нарушает обстановку гармоничного миропорядка Бумбайской страны. Содержанием ультиматума является требование отдать объекты, представляющие наивысшие ценности для Бумбайской державы, – коня Аранзала Зеерде, ханшу Ага Шавдал, богатыря Мингъяна, скакуна Буурал Галзана, богатыря Хонгора. Заключительная часть ультиматума непосредственно содержит условия и требования, невыполнение которых влечет тяжелые последствия: «Если эти пять вещей не будут выданы, / Если минует восьмой день месяца Урюс будущего года, / Явлюсь с тринадцатью бумов войск. / Бумбайский океан твой высушу, / Отлучу тебя от твоей веры Будды!» [22, с. 294]. Джангар советуется с мудрецом Алтаном Чееджи – отдавать или не отдавать требуемое Мангна-ханом. Мудрец считает, что они не могут не подчиниться требованиям противника, превосходящего их по силе и мощи. И упоминает историю о поединке Мангна-хана с отцом Джангара, из которого тот вышел едва живым. Хонгор замечает, что совет Алтана Чееджи означает готовность отдать требуемое, и протестует против подчинения. Джангар, пытаясь избежать эскалации конфликта с превосходящим по силе противником, распоряжается отправить часть из требуемого им – богатыря Мингъяна, коней Аранзала Зеерде и Буурал Галзана. Ханшу Ага Шавдал решают известить и предлагают ей самой принять решение. За Хонгором рекомендуют приехать антагонистам. Сопrotивление Хонгора вызывает его внутренний конфликт с Джангаром. Возмущенный неповиновением Хонгора правитель отдает распоряжение двенадцати богатырям пленить его. Одиннадцать богатырей поначалу готовы схватить героя, лишь один из них, Санал, отказывается участвовать в пленении товарища и напоминает им, что они, двенадцать лучших богатырей, связаны клятвой. Прислушавшись к мнению Санала, богатыри отказываются пленить Хонгора и расходятся. Санал выводит Хонгора из дворца и советует ему спастись бегством. Спустя три недели в страну Мангна-хана отправляют Мингъяна и двух коней, Буурал Галзана и Аранзала Зеерде. В пути

Хонгор встречает Мингъяна, уговаривает отдать ему Аранзала Зеерде и в одиночку выступает против войска врагов, направляющегося захватить его родную державу. Герой сражается с ними и, захватив их знамя, поручает Мингъяну передать его Джангару. А сам в одиночку сдерживает натиск вражеского войска. Получив от Мингъяна знамя противника, Джангар отправляется с войском на помощь Хонгору. Джангаровы богатыри одерживают победу, пленяют и покоряют Мангна-хана с условием выплаты дани на тысячу и один год.

Эпическая циклизация

В жанрово-эволюционном развитии эпосеи особая роль отводится циклизации. В фольклорной традиции бытуют и сосуществуют «большая» и «малая» эпические формы. «Малые» формы могут предвосхищать появление «больших» и возникать как более поздние явления. Выделяются два типа циклизации – «линейная» и «концентрическая». «В первом случае речь идет о выстраивании в традиции более или менее связного жизнеописания богатыря (циклизация биографическая) или нескольких поколений богатырей (циклизация генеалогическая)» [22]. Некоторые тенденции генеалогической циклизации прослеживаются в синьцзян-ойратской версии «Джангара», где представлены сюжеты, повествующие о трех поколениях богатырей – Джангаре и его богатырях-сподвижниках, их предках и потомках.

Второй тип циклизации основан на централизаторском пафосе, объединение «одноходовых» сюжетов вокруг фигуры эпического монарха, воплощающего самосознание народа и его государства. Поступательное развитие героического эпоса связано с этническим самосознанием, формирующимся в процессе племенной консолидации и раннегосударственных образований; «концентрическая» циклизация прямо отражает подобные процессы: эпос оказывается их своеобразной «культурной проекцией» [22]. Сюжеты калмыцкой и синьцзян-ойратской версий выстраиваются в традиции по данному циклическому принципу вокруг правителя Джангара и его страны Бумбы.

В родственной традиции ойратов Западной Монголии бытует множество эпических сказаний. Калмыцкая и синьцзян-ойратская традиции характеризуются моноэпичностью, преобладанием Джангариады в эпическом и фольклорном творчестве, что является результатом концентрического типа циклизации. Эпос «Джангар», ставший национальным, объединил и, возможно, трансформировал сюжеты других эпических сказаний. «Отдельные богатыри, первоначально стоявшие в центре самостоятельных эпических сказаний, могут в процессе развития эпоса объединяться как дружинники или вассалы одного эпического монарха» [23, с. 134].

Сохранность и бытование множества глав, посвященных герою Хонгору, дают повод предположить о существовании в синьцзян-ойратской традиции отдельного «цикла о Хонгоре».

Б. Я. Владимирцов отмечал особый тип циклизации калмыцкого «Джангара», обусловленный его особым статусом «национальной поэмы» [24, с. 18]. Речь, прежде всего, идет о цикле прославленного калмыцкого сказителя Ээлян Овла, состоящего из десяти глав и объединенного общим прологом. Прологу отводится связующая роль сюжетов в цикле. Следует отметить, что в ранних калмыцких циклах, малодербетовском и багацохуровском, пролог имеет развернутую форму, а в более поздних сюжетах синьцзян-ойратской версии пролог редуцируется до экспозиции.

Заключение

На современном этапе заметны процессы трансформации синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар», связанные со снижением уровня героической идеализации, новеллизацией с реактуализацией сказочной и бытовой архаики, контаминацией сюжетов, влиянием книжной эпической традиции, утратой отточенности стиливых форм и отсутствием больших репертуарных циклов.

Таким образом, историческая эволюция эпоса «Джангар» и его форм определяется закономерностями историко-типологического характера, реализуемыми в рамках общей центрально-азиатской и локальных этнических традиций, а также жанровых форм, имеющих стадийный характер, и обусловлена сущностными фольклорными признаками – устностью, коллективностью, традиционностью, типологичностью, вариативностью и синкретизмом. В своей исторической и эстетической динамике эпос «Джангар» прошел эволюционный путь развития от древних форм «сказочного богатырского эпоса» до циклизированного эпоса.

Литература

1. Топорков А. Л. Фольклорные формы словесности // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 133-154.
2. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 454 с.
3. Гацак В. М. Наследие А. А. Потебни и вопросы историко-поэтического изучения фольклора // Фольклор. Проблемы историзма. – М.: Наука, 1988. – С. 8-18.
4. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: Вопросы исторической поэтики. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. – 154 с.
5. Короглы Х. Г. Художественные каноны и видоизменение эпоса // Фольклор. Проблемы историзма. – М.: Наука, 1988. – С. 102-126.
6. Кудияров А. В. Поэтико-воззренческие аспекты историзма эпоса монголоязычных народов // Фольклор. Проблемы историзма. – М.: Наука, 1988. – С. 127-170.
7. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. – М.: Наука, 1969. – 302 с.
8. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Наука, 1963. – 461 с.
9. Неклюдов С. Ю. Героический эпос кочевников Монголии // Эпос народов зарубежной Азии и Африки. – М.: Наследие, 1996. – С. 16-64.
10. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 288 с.
11. Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. – М.: Наука, 1974. – 264 с.
12. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 220 с.
13. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л.: Худ. лит., 1940. – 648 с.
14. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.
15. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1984. – 310 с.
16. Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. – М.: Лабиринт, 2002. – 464 с.
17. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с.
18. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. – М.: Восточная литература, 1997. – 319 с.
19. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Т. 1. – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – 856 с.
20. Боура С. М. Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступ. ст. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 808 с.
21. Джангар. Калмыцкий героический эпос / Сост., подг. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева, А. В. Кудиярова, Н. Б. Сангаджиевой. – М.: Наука, 1990. – 475 с.
22. Жаңһр: Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) / Сост. А. Ш. Кичиков. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1978. – Т. 1. – 441 с.; Т. 2. – 417 с. (на калм. яз.)
23. Неклюдов С. Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the World Epic Heritage. Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2003. – pp. 17-24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm> (дата обращения: 28.08.2018).
24. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. – Пг.: Госиздат, 1923. – 253 с.

References

1. Toporkov A. L. *Fol'klornye formy slovesnosti* [Folklore forms of literature]. In: *Teoriya literatury. T. 3. Rody i zhanry (osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii)* [Literature theory. Vol. 3. Genera and genres (main problems in historical illumination)]. Moscow, IMLI RAN, 2003, pp. 133-154.
2. Frejdenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra: period antichnoj literatury* [Poetics of the plot and genre: period of ancient literature]. Leningrad, Goslitizdat, 1936, 454 p.

3. Gacak V. M. *Nasledie A. A. Potebni i voprosy istoriko-poeticheskogo izucheniya fol'klora* [The heritage of A. A. Potebnya and questions of historical and poetic study of folklore]. In: *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of Historicism]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 8-18.
4. Kichikov A. Sh. *Issledovanie geroicheskogo eposa "Dzhangar": Voprosy istoricheskoy poetiki* [The study of the heroic epic "Dzhangar": Questions of historical poetics]. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1976, 154 p.
5. Korogly H. G. *Hudozhestvennyye kanony i vidozmeneniye eposa* [Artistic canons and modification of the epic]. In: *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of Historicism]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 102-126.
6. Kudiyarov A. V. *Poetiko-vozzrencheskie aspekty istorizma eposa mongoloyazychnyh narodov* [Poetico-vision aspects of the historicism of the epic of Mongol-speaking peoples]. In: *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of Historicism]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 127-170.
7. Lipec R. S. *Epos i Drevnyaya Rus'* [Epic and Ancient Rus]. Moscow, Nauka, 1969, 302 p.
8. Meletinskij E. M. *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa. Rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow, Nauka, 1963, 461 p.
9. Neklyudov S. Y. *Geroicheskij epos kochevnikov Mongolii* [Heroic epic nomads of Mongolia]. In: *Epos narodov zarubezhnoj Azii i Afriki* [Epic of the peoples of foreign Asia and Africa]. Moscow, Nasledie, 1996, pp. 16-64.
10. Putilov B. N. *Ekskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo eposa* [Excursions into the theory and history of the Slavic epic]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 288 p.
11. Smirnov Y. I. *Slavyanskije epicheskie tradicii* [Slavic epic traditions]. Moscow, Nauka, 1974, 264 p.
12. Ulanov A. I. *Buryatskij geroicheskij epos* [Buryat heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1963, 220 p.
13. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Hud. lit., 1940, 648 p.
14. Zhirmunskij V. M. *Tyurkskij geroicheskij epos. Izbrannye trudy* [Türkc heroic epic. Selected works]. Leningrad, Nauka, 1974, 727 p.
15. Neklyudov S. Y. *Geroicheskij epos mongol'skih narodov (ustnye i literaturnye tradicii)* [The heroic epic of the Mongolian peoples]. Moscow, Nauka. Glav. red. vost. lit., 1984, 310 p.
16. Propp V. Ya. *Fol'klor. Literatura. Istoriya* [Folklore. Literature. History]. Moscow, Labirint, 2002, 464 p.
17. Meletinskij E. M. *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa. Rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2004, 462 p.
18. Kichikov A. Sh. *Geroicheskij epos "Dzhangar". Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic "Dzhangar". Comparative and typological study of the monument]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1997, 319 p.
19. *Dzhangar. Geroicheskij epos sin'czyanskih ojrato-mongolov. T. I* [Dzhangar. The heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. Vol. 1]. Elista, APP "Dzhangar", 2005, 856 p.
20. Boura S. M. *Geroicheskaya poeziya* [Heroic poetry]. Per. s angl. i vstup. st. N. P. Grincera, I. V. Ershovoj. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 808 p.
21. *Dzhangar. Kalmyckij geroicheskij epos* [Dzhangar. Kalmyk heroic epic]. Sost., podg. tekstov, komment. i slovar' N. C. Bitkeeva, E. B. Ovalova, C. K. Korsunkieva, A. V. Kudiyarova, N. B. Sangadzhievoy. Moscow, Nauka, 1990, 475 p.
22. *Dzhangar. Kalmyckij geroicheskij epos* [Dzhangar. Kalmyk heroic epic]. Sost. A. Sh. Kichikov. Moscow, Nauka, Glav. red. vost. lit., 1978. Vol. 1, 441 p. Vol. 2, 417 p. (In Kalmyk lang.)
23. Neklyudov S. Y. *Tipologiya i istoriya v pamyatnikah geroicheskogo eposa* [Typology and history in the monuments of the heroic epic]. In: *The Armenian Epic "Daredevils of Sassoun" and the World Epic Heritage*. Yerevan, National Academy of Sciences of Armenia, 2003, pp. 17-24 [Web resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm> (accessed August 28, 2018).
24. Vladimircov B. Ya. *Mongolo-ojratskij geroicheskij epos* [Mongol-Oirat heroic epic]. Peterhof, Gosizdat, 1923, 253 p.